

Прогноз вероятности и течения военного конфликта на Корейском полуострове (2025-2030)

Рассуждения о возможности войны на Корейском полуострове периодически становятся источником ажиотажа и ставят исследовательский вопрос о том, в какой мере они оправданы, и если шанс есть, с чего может начаться конфликт и чем закончится. В западном экспертном сообществе при анализе этой проблемы принято концентрировать внимание на человеческих и экономических потерях, безусловно возлагая ответственность за грядущий конфликт на КНДР. Это требует реалистичного анализа того, какова возможность начала конфликта на полуострове в течение нынешнего десятилетия и, если конфликт случится, кто может стать его инициатором и как он будет протекать.

Вероятность конфликта

Говоря о развитии событий до 2030 г., можно представить себе следующие сценарии развития событий.

1. Позитивный сценарий (вероятность 10%) предполагает восстановление межкорейского диалога посредством аналога политики «солнечного тепла». Это снизило бы региональную напряженность и возможно, способствовало активизации трехсторонних экономических проектов. Однако на данный момент предпосылок для такого развития событий нет как минимум по следующим причинам:

- Новая политическая линия КНДР исключает любые формы политического диалога с Югом, переговорный процесс отсутствует на уровне публичных контактов, и негативная оценка дается даже периоду потепления 2018-2019 гг. как времени пустых обещаний. К настоящему времени известно, что целью политики «солнечного тепла» в Южной Корее было поглощение КНДР при помощи мягкой силы, и подобные подходы будут восприниматься на Севере критично, тем более что новая межкорейская доктрина Республики Корея (РК) делает акцент на мягкую силу и развал режима изнутри. Хотя власти РК заявляют о готовности к диалогу, несбывшиеся надежды «олимпийского потепления» показывают и Сеулу, и Пхеньяну, что «добрая ссора лучше худого мира».
- На фоне укрепления связей РК и США и глобальной турбулентности между КНР и США Сеул не сможет обеспечить себе уровень стратегической автономии от Вашингтона, необходимый для осуществления сценария выше.

Существует представление о том, что вероятность этого сценария повысится, если после 2027 г. (окончание полномочий президента-консерватора РК Юн Сок Еля) или ранее (если оппозиция сможет объявить президенту импичмент, либо поменять конституцию,

сократив срок полномочий с пяти до четырех лет) к власти придет Демократическая партия, которую в РФ принято считать левой. На деле отношение демократов к КНДР вытекает из логики фракционной борьбы, в рамках которой их позиция по каждому вопросу должна быть противоположной консерваторам. В условиях, когда КНДР не идет на контакт, а консерваторы выступают за сдерживание и мягкую силу, демократы могут развернуться на 180 градусов: «мы победили диктатуру на Юге, теперь пришло время диктатуры на Севере».

Кроме того, так как смена власти в РК может произойти только в 2026-27 гг., к этому времени будет возрастать влияние ряда глобальных трендов, препятствующих данному развитию событий:

- «Возвращение войны в политику» и преобладание конфликтогенных решений над поисками консенсуса в целом. Это повышает вероятность любого конфликта, который становится более социально приемлемым.
- Характерная не только для корейских государств проблема дилеммы безопасности, запускающая порочный круг: постоянное поднятие ставок существенно повышает риски. Отдельно отметим вероятность, при которой на полуострове появится американское ядерное оружие, либо Сеул получит «добро» на создание своего. В этом случае на Западе могут счесть, что превосходство в обычных вооружениях может сыграть решающую роль.
- Укрепление противостояния США и КНР, либо «треугольников» Москва-Пекин-Пхеньян и Вашингтон-Токио-Сеул для ситуации на Корейском полуострове является скорее сдерживающим фактором, так как риск перерастания локального конфликта в ядерный и макрорегиональный оказывается слишком велик. Однако разделение на блоки скорее укрепляет связи Пхеньяна и Москвы, а не Пхеньяна и Сеула.

2. Умеренно-позитивный сценарий, или сценарий «статус-кво» (вероятность 70%) отражает ситуацию на данный момент и в краткосрочной перспективе. В этом сценарии межкорейская напряженность будет следовать шаблону противостояния США и СССР в Холодной войне. Воинственные заявления, демонстрации силы и гонка вооружений будут создавать представление, что Корейский полуостров находится на грани войны, но ни одна из сторон не перейдет по собственной инициативе красную линию. Пхеньян не пойдет на это первым, осознавая совокупный военный потенциал противника, Сеул – потому что столица находится под ударом, а противоракетная оборона Южной Кореи не имеет защиты от ракет КНДР.

Текущая ситуация подтверждает наибольшую вероятность этого сценария.

Во-первых, военные приготовления Пхеньяна (строительство оборонительных сооружений и минных полей, перерезание линий коммуникации, ведущих к демилитаризованной зоне и т.п.) нацелены на подготовку к оборонительной войне. Если бы Север готовился к наступательной войне, он должен был бы, наоборот, обеспечить себе линии коммуникации для переброски войск и боеприпасов к линии фронта.

Во-вторых, в официальных заявлениях Пхеньян и Сеул говорят о силовом варианте только на случай ответа на агрессию. Это касается и комментариев Сеула по поводу сути новой межкорейской доктрины РК, и заявлений Пхеньяна о том, что РК «будет оккупирована и присоединена», но только в случае нападения Юга. Более того, с отказом КНДР от парадигмы объединения межкорейская стратегия Пхеньяна лишена основы для войны за таковое; Север и Юг воспринимаются как враждебные страны, между которыми нет ничего общего – в отличие от предыдущей доктрины, где Юг признавался частью КНДР.

Данный сценарий является доминирующим и в среднесрочной перспективе, и здесь отметим роль Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР, который сдерживает напряженность на полуострове, а не усиливает ее. Это следует из ст. 4 Договора, согласно которой «если одна из сторон окажется в состоянии войны из-за вооруженного нападения одного или нескольких государств, другая сторона немедленно окажет ей военную помощь всеми имеющимися у нее средствами». Однако всеобъемлющая помощь представляется в состоянии войны, которое отмечает не каждый вооруженный конфликт, при том, что ст. 3 предполагает обязательные консультации в случае угрозы конфликта. Это означает, что Пхеньян скорее всего должен координировать свои действия с Москвой в большей степени, чем ранее.

3. Военный сценарий (вероятность 20%), включает три варианта начала вооруженного конфликта: ниже они представлены в порядке вероятности.

- Наиболее вероятен конфликт по иррациональной причине, случающийся не по воле первых лиц страны. Он возможен в нескольких случаях. Например, «неверно интерпретированный сигнал», когда в результате стечения обстоятельств действия одной стороны воспринимаются другой как нападение. Возможен также человеческий фактор: психологический срыв кого-то из военных из-за постоянного стресса в сочетании с последствиями воздействия пропаганды.

На низшем или среднем уровне командования может возникнуть желание обстрелять чужие территориальные воды или на короткий срок войти в чужое воздушное пространство, на что последует ответ.

В случае Южной Кореи возможна провокация третьей силы, благо желающих развязать конфликт в Сеуле хватает: в первую очередь это ультраправые южнокорейские «активисты».

- Менее вероятна ситуация, когда конфликт инициирован руководством Южной Кореи. Наиболее вероятный сценарий - противостояние, развывшиеся из агрессивного ответа КНДР на провокацию в ее адрес либо ситуация, когда воронка ответа на вражеские провокации так затянула обе стороны, что ни одна из них не может отыграть назад.

Менее вероятно, что на фоне ощущения военного превосходства и существенного внутривнутриполитического кризиса в КНДР в Сеуле решатся на силовой вариант. При анализе этого варианта как более предпочтительного по сравнению с «атакой с Севера» следует учитывать факторы, как связанные с нынешним руководством РК, так и более общие. В частности, риторика «объединения в виде поглощения Севера» никуда не далась: согласно ст. 3 Конституции РК, территорией страны попрежнему считается весь полуостров. Кроме того, развитие региональной гонки вооружений подталкивает обе стороны к ставке на превентивный удар, каковой рассматривается другой стороной как доказательство подготовки к агрессивной войне. РК превосходит КНДР по потенциалу обычных вооружений, и если в Сеуле возникнет иллюзия возможности нейтрализовать ядерное оружие КНДР, это может подстегнуть реваншистов.

Тревогу вызывают постоянные заявления президента РК Юн Сок Ея о том, что «освобождение Кореи» завершится только после того, как КНДР исчезнет. Юн глубоко погружен в американскую систему ценностей, и его отношение к КНДР эмоционально отрицательное. Это значит, что он может находиться под воздействием определенных

идеологических моделей и верит в наличие в КНДР существенных протестных настроений, при помощи которых можно «раскачать лодку» на Севере.

У Юн Сок Еля как бывшего генерального прокурора РК может отсутствовать достаточное понимание военно-политических проблем в целом, в том числе противостояния с Севером. С учетом того, что его команда состоит из тех, кто занимался проблемами КНДР еще при президенте Ли Мен Баке, на это может накладываться ситуация, когда ближний круг манипулирует первым лицом при помощи ангажированных вводных.

- Наименее вероятный вариант военного сценария предполагает, что конфликт инициирован Северной Кореей.

Ход конфликта

Для обеих сторон возможный конфликт грозит масштабными потерями. При этом для того, чтобы избежать поражения, при военном сценарии конфликта и Север, и Юг могут постараться нанести противнику максимальный ущерб в первые часы или дни войны, чтобы оперативно затруднить переброску войск и уничтожить военную инфраструктуру. Что же до попыток прогнозировать конкретные детали конфликта, то этому мешает высокий уровень неопределенности – ряд преимуществ или недостатков, приписываемых той или иной стороне, не так очевиден, как кажется. Среди таких неочевидных моментов, способных оказать существенное влияние на ход столкновения, отметим вероятность того, что первый удар (с Севера или с Юга) сможет эффективно ликвидировать вражескую инфраструктуру, действительно предотвратив ответную атаку. Важно учитывать политико-моральное состояние военнослужащих и реальный уровень боевой подготовки как Севера, так и Юга: эти оценки сильно варьируются в зависимости от ангажированности экспертов.

Влияние конфликта на геополитику

Можно выделить три группы проблем – военно-политические, экономические и гуманитарные/экологические. Первая группа связана с неизбежной **интернационализацией войны**: в случае полномасштабного военного конфликта между КНДР и Республикой Корея сработает Договор о взаимной обороне РК и США. С другой стороны, в случае инициирования конфликта «с Юга» КНР, не вступая в войну официально, может направить туда средства ПВО, инструкторов, а в критической ситуации – добровольцев из числа китайских корейцев. Приходится учитывать и ст. 4 Договора о всеобщем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР. Наконец, КНДР скорее всего постарается атаковать не только цели, непосредственно прилегающие к театру военных действий, но и континентальную территорию США при помощи баллистических ракет. Таким образом, вероятность превращения «второй Корейской войны» в «Третью мировую» довольно высока.

Экономические проблемы следуют из того, что, по западным подсчётам, финансовые потери мира будут равны \$4 трлн, т. к. южнокорейские заводы по производству полупроводников могут стать целью атак ракет и артиллерии КНДР. Это вкпе с ударом по экономике РК в целом может привести к уменьшению ВВП Китая на 5%, а США на 2,5%.

Гуманитарные проблемы касаются того, что ввиду потенциального использования оружия массового поражения и обычного вооружения большой разрушительной силы число жертв будет велико. К этому следует добавить тотальный характер войны и идеологическое

ожесточение. В результате сторонам будет не до гуманизма по отношению к противнику, включая гражданское население. Миллионы жертв в данном контексте – не преувеличение, хотя попытки рассчитать конкретные числа представляются спекулятивными.

Экологические проблемы в первую очередь связаны с последствиями применения ядерного оружия или же разрушения промышленных объектов КНДР и РК. Ситуация значительно ухудшается в случае успешной атаки в непосредственной близости от южнокорейских атомных электростанций, последствия которой могут быть сравнены с авариями в Чернобыле или Фукусиме.

Выводы

Вероятность межкорейского конфликта в кратко- и среднесрочной перспективе невелика (не более 20%). В долгосрочной перспективе она несколько повышается, хотя все равно вряд ли станет доминирующей.

Если же говорить о сценариях развития обстановки, то на первом месте по вероятности сценарий «статус-кво», когда, несмотря на показательные жесты и ритуальную риторику, в критических ситуациях стороны будут проявлять сдержанность и не пойдут на обострение. Существование противостоящих блоков, повышающее вероятность перетекания межкорейского конфликта в третью мировую, является сдерживающим фактором.

На втором месте негативный сценарий, предполагающий возможность вооруженного конфликта. Однако с точки зрения того, кто его начнет, наиболее вероятен вариант иррациональных причин, затем следуют действия по инициативе Юга, и лишь потом – действия по инициативе Севера.

Позитивный сценарий, при котором межкорейский диалог будет возобновлён, крайне маловероятен и возможен лишь при условии, что ему будет предшествовать мегасделка между сверхдержавами – Россией, США и КНР.